

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований ПсковГУ

ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Великая Отечественная война
в зеркале народной речи и
фольклора**

Тексты. Исследования. Аудиоприложение

Псков 2016

УДК 801.81
ББК 82.3 (2Рос=Рус)
В 272

Рекомендовано к изданию
Ученым советом факультета русской филологии и иностранных языков
Псковского государственного университета

Рецензенты:

Т. В. Володина, доктор филологических наук, заведующая отделом фольклористики и культуры славянских народов Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН РБ;

И. О. Колосова, кандидат исторических наук, доцент Псковского государственного университета.

Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора:

Тексты. Исследования. Аудиоприложение / Под общ. ред. Н. В. Большаковой; Составители: Н. В. Большакова, М. И. Муратова, Г. И. Плещук (ПсковГУ); В. А. Лобач (Полоцкий ГУ). – Псков: ЛОГОС, 2016. – 332 с.

ISBN 978-5-9908858-6-8

Издание представляет собой монографию, подготовленную коллективами ученых Псковского государственного университета (Россия) и Полоцкого государственного университета (Белоруссия) в рамках совместного научного проекта «Традиционный этнокультурный и языковой ландшафт Витебско-Псковского пограничья в конце XIX – начале XXI вв.: уровни репрезентации и динамика кросскультурных связей», поддержанного РГНФ (№16-24-04001) и БРФФИ (договор № Г16РП-004).

Книга содержит впервые публикуемые экспедиционные материалы, собранные на сопредельной территории – в Псковской области России и в Витебской области Белоруссии. Объединенные в одном издании, они представляют собой правдивые свидетельства непосредственных участников трагических событий Великой Отечественной войны периода оккупации и партизанского движения.

Для ученых-историков, этнологов и этнокультурологов материалы книги могут стать ценным источником сведений, относящихся к сфере устной истории. Книга также может быть использована в профессиональной деятельности диалектологов и фольклористов. Она будет полезна в работе краеведов, учителей школ и всех тех, кому небезразличны судьбы поколения, пережившего войну.

The book contains expedition materials published for the first time and collected in the neighboring territory – in the Pskov region of Russia and in the Vitebsk region of Belarus. United in one publication, they represent the truthful evidence of the direct participants of the tragic events of the Great Patriotic War occupation and partisan movement.

The materials of the book can be a valuable source of information related to the field of oral history for scientists, historians, ethnologists and ethnoculturologists. The book can also be used in the professional activity of dialectology and folklore. It will be useful in the work of researchers of a particular region, school teachers and all those who care about the fate of generations survived in the war.

ISBN 978-5-9908858-6-8

© Псковский государственный университет, 2016

© Коллектив составителей, 2016

© Издательство «ЛОГОС», 2016

**Великая Отечественная война
в воспоминаниях сельских жителей Витебщины
(по материалам устной истории)**

Фольклорно-этнографические экспедиции Полоцкого государственного университета, проходящие в формате учебной практики для студентов исторической специальности, изначально были ориентированы на «классические темы» народоведения: календарная и семейная обрядность, легенды, предания и песенный фольклор, народная медицина и мифологические представления. Однако уже первые полевые исследования показали, что в различных районах Витебщины, которые отличаются и разнообразием, и уровнем сохранности фольклорной традиции, особое место в коллективной и индивидуальной памяти старожилов занимает одна тема.

Воспоминания о событиях Великой Отечественной войны прямо или косвенно присутствовали практически во всех рассказах сельчан, независимо от предмета разговора. Глобальная трагедия XX века разделила жизнь людей, переживших ее, на время «до» и «после войны», когда миропорядок изменился существенным образом.

Война как хронологический рубеж, который противопоставляет «старые» и «новые времена», фигурировала всегда, когда речь шла о различных сегментах традиционной культуры в их исторической ретроспекции: *«Ну, гэта старае кладбішча. Памятнікаў жа тады не ставілі – а камяні гэты ставілі. Ну, гэта ж да вайны было»* (д. Старина Ушачского р-на); *«Хадзілі да “святэго калодзежа”. Эта ж да вайны. Кожная сьвята, уся дзярэўня сабіралася, а тады там ужо молюцца, молюцца, і на каленках тамака... А цяпер ужо гэтага німа. А тады ж пасья вайны, тады ж усё ізмянілася»* (д. Моргавица Докшицкого р-на). Но, прежде всего, война – это

трагическая веха личной истории, означавшая ужас, горе, страдания, потерю родных и близких людей.

Воспоминания очевидцев о войне в различных ее проявлениях, коренным образом отличаются от собственно фольклорных повествований о давней, легендарной истории. История актуальная (оперативная) обслуживается совокупностью личных воспоминаний и характеризуется не только множеством подробностей и определенных деталей, но и личным эмоциональным отношением рассказчика к тем или иным событиям, которым он дает собственную оценку либо интерпретирует, но в любом случае убежден в их реальности¹. Не случайно, что в центре рассказов-свидетельств о войне стоит, прежде всего, сам человек, его переживания, психологические реакции и личное восприятие событий в контексте устойчивой системы жизненных ценностей.

В то же время воспоминания сельских жителей о войне существенно отличаются и от содержания «официальной истории», где основной акцент сделан на «ключевых событиях» либо персоналиях (театры военных действий, сражения, маршалы), а истории повседневности «простого человека» в перипетиях военного лихолетья, как правило, нет места. Как отметила В.А. Лобачевская, «словосочетание “повседневность войны” – конструкт, которым принято обозначать ту сферу жизни людей, которая до недавнего времени оставалась за границами внимания официальной истории войны. Военная жизнь людей в условиях фронта и тыла, по сути, была экстремальной повседневностью, другой стороной войны – события экстраэкстремального, изменившего уклад, порядок, условия, нормы жизни человека, упразднившего привычные

¹ Подробнее о соотношении «легendarной» и «актуальной» истории в традиционной картине мира: Лобач У.А. Міф. Прастора. Чалавек: беларускі традыцыйны ландшафт у семіятычнай перспектыве. – Мн.:Тэхналогія, 2013. – С. 433 – 436.

институты социальной организации. Война, как правило, описывается официальными историками как серия эпизодов, упорядоченных во времени событий. Историческая наука была сконцентрирована на изучении военных, военно-политических и военно-экономических аспектов и характеризовалась “событийным” подходом, в рамках которого освещались ход боевых действий, крупные сражения и битвы, героика войны. Изучение же человеческой составляющей на войне относится к той области военно-исторической проблематики, которая относительно недавно стала предметом изучения профессиональных историков и выделена в особые разделы исторической науки – историческую антропологию и историю повседневности»¹.

Заметим, что предметное поле военно-исторической антропологии во многом пересекается с проблематикой и актуальными целого ряда гуманитарных дисциплин: этнографии, этнологии (культурной антропологии), этнолингвистики и фольклористики. В частности, А.С. Сенявская среди задач военно-исторической антропологии отмечает и те, которые являются релевантными для народоведения в целом: анализ ценностей, представлений, верований, традиций и обычаев всех социальных категорий в контексте вызревания войны, ее хода, завершения и последствий; изучение эволюции понятий “свой - чужой” и формирование образа врага в различных вооруженных конфликтах².

¹ Лобачевская О. Ритуал в повседневности войны (об архаической ритуальной практике в годы Второй мировой войны в Беларуси) // *Nomo historicus* 2009. Гадавік антрапалагічнай гісторыі. – Вільня, 2010. – С. 39.

² Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология, как новая отрасль исторической науки // *Военно-историческая антропология*. Ежегодник. 2002. – М., 2002. – С.14.

Отличительной особенностью воспоминаний о войне является их условная «выборочность», когда рассказчик вербально и эмоционально указывает на «главные», наиболее существенные, по его мнению, события, затронувшие его лично. С другой стороны, судьбоносные сражения (Сталинградская, Курская битвы), во многом предопределившие итог II мировой войны, как правило, вообще не фигурируют в устном дискурсе. Избирательность подобного рода обусловлена спецификой интерпретации истории в традиционной картине мира, свойственной крестьянам, когда значимость событий определяется степенью их влияния на миропорядок локального сельского сообщества и лично на человека, его представляющего. Неслучайно в большинстве воспоминаний, записанных на территории Витебской области, основное место занимают рассказы о периоде нацистской оккупации, которая и стала для сельских жителей абсолютным воплощением ужаса войны.

Стоит отметить, что содержание устных рассказов о войне может отличаться не только в различных регионах области. Существенная разница в восприятии предвоенных и военных событий в этом случае обусловлена тем, что западные районы Витебщины до 1939 г. находились в составе II Речи Посполитой (Польши) и знакомство с советскими порядками (коллективизация, репрессии, запрет на частную собственность, воинствующий атеизм и т.д.) для местных крестьян носило зачастую шоковый характер. С другой стороны, даже в границах одного района «свою» историю войны имеет практически каждая деревня, когда значимыми обстоятельствами становятся месторасположение (вблизи / вдали от немецких гарнизонов, транспортных артерий, в лесной / безлесной местности, в партизанской зоне или за ее пределами), характер взаимоотношений жителей с партизанами и оккупационными властями и, безусловно, личная судьба рассказчика. Именно

личностное восприятие войны обусловило известную фрагментарность воспоминаний, когда речь идет не о хронологически выстроенном повествовании с 1941 по 1945 год, но о некотором ряде принципиально важных для рассказчика событий. Очень условно эти события могут быть сгруппированы в несколько тесно взаимосвязанных тематических блоков: «начало войны», «немцы», «полицаи», «партизаны», «евреи» (холокост), «жизнь в деревне», «принудительная работа в Германии», «освобождение». Условность подобного связана с тем, что в воспоминаниях все реалии военных лет переплетены невероятно сложным образом и не могут быть объяснены прямолинейными и однозначными причинно-следственными связями.

При ознакомлении с материалами устной истории становится очевидным, что свидетели всех ужасов нацистской оккупации имеют «свою правду» о прошедшей войне, во многом отличную от официальной историографии. Общим местом в понимании истории «сверху» и «снизу» является категорическое неприятие войны и осуждение массовых зверств нацистов и их приспешников на оккупированных территориях. Правда деревенских жителей, оказавшихся на острие жестокого противостояния между оккупантами и партизанами, далека от идеологических штампов и обобщений, она всегда конкретна, предметна и не избегает ответов на неудобные вопросы.

При действительно массовой поддержке партизан со стороны мирного населения в воспоминаниях практически отсутствует однозначная оценка их деятельности. Опытным путем деревенские жители составили свою градацию партизан, разделяя их на «настоящих» и «ненастоящих». *«Парцізаны, каторья былі парцізаны, тыя прыходзяць і напросяць есць – малака ці яйцо, ці смітаніну якую, што-небудзь пакарміць іх нада – эта действецельна былі парцізаны. А каторья ў сундукі*

лазілі, кралі – гэта не парцізаны, гэта грабіцелі» (д. Луги Лиозненского р-на).

Политика устрашения и тактика «выжженной земли», которую оккупанты применяли в борьбе с партизанами, вела к колоссальным жертвам среди мирного населения. Примером массового геноцида является одна из самых жестоких и кровавых карательных операций нацистов «Зимнее волшебство» (нем. «Winterzauber»), которая проводилась в феврале-марте 1943 г. у юго-восточных границ Латвии на территории Освейского, Дриссенского, Россонского районов Белоруссии и Себежского района России. Результатом карательной экспедиции стало «439 сожженных населенных пунктов, около 70-80 убитых партизан, 10-12 тысяч уничтоженных мирных граждан, более 7 тысяч угнанных (несколько тысяч из которых впоследствии погибли)...»¹, но при этом Россонско-Освейская партизанская зона уничтожена не была. Огромное количество жертв среди мирного населения ставит закономерный вопрос о том, почему почти 8 тысяч партизан не смогли защитить от карателей, которые насчитывали около 5,5 тысяч человек?² Вопрос остается открытым...

В ряде случаев, что особенно отмечается в воспоминаниях, военная целесообразность партизанских операций не шла ни в какое сравнение с жертвами среди мирного населения, к которым она приводила. *«А тады... каля Балашоў, партызаны ўбілі немца аднаго. І за таго немца ўзялі і Балашы, і Калюшчані, і Маішонкі. Усіх жьщелей выгналі на плошчадзь, сабралі і ў Сураж зvezлі... Ну, а тады заставілі іх выкапаць яму... Пяць ям выкапалі. І тады к яме ставілі і ўсіх*

¹ «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль – март 1943 г.: Документы и материалы. – М.: Фонд «Историческая память», 2013. – С.

² Там же. – С. 14,16.

стралялі. І гавораць, як там валіліся людзі. Хто саўсем убіты, хто ранены – у гэтую яму. І там стон стаяў тры дні» (д. Хадорино Витебского р-на). В ситуациях, когда партизаны подвергали деревню неоправданному риску, ее жители всячески старались предотвратить трагическое развитие событий. *«Ай, тады страшна, то немцы прыедуць, як ужо парцізаны ўцякуць. То раз хацелі стрэляць парцізаны па немцах. Немцы выехалі на возера, возера замёрзша было, а яны ўжо будуць страляць. А іх жа сталі прасіць: ну нас жа спяляць! Гэта зімой было. Ну, яны і пайшлі ў лес, не стралялі»* (д. Хролы Глубокского р-на).

Также неоднозначен в воспоминаниях и образ оккупантов. Обобщенная номинация врагов – «немцы» – в призме локальной истории в значительной мере распадается и конкретизируется. Наряду с солдатами вермахта («фронтовиками») в рассказах фигурируют «эсэсовцы», «жандармы», а также представители различных народов, воевавших на стороне Германии: австрийцы, итальянцы, поляки, словаки, румыны, финны, латыши, литовцы, русские, украинцы. Соответственно отличаются и характеристики каждой из указанных категорий. Поляки, словаки, итальянцы в целом характеризуются местными жителями позитивно (предупреждали об опасности, спасали от принудительных работ, угощали детей продуктами и конфетами): *«Эта тут жа часцей многа шло, і я помню італьянцы, асобенна італьянцы – ані такіе веселыя. І вот, когда італьянца стаялі ў нас, кухня ва дворэ в нашем была... Чалавека два-тры жыла ў нас в доме. Ну, оні гатовілі, кухня стаяла салдацкая ў нас во дворе. Это вообще там хохат і, Боже мой, і эта: “Come, comer, von-von, von-von”. Все вот так вот сазывалі дзяцей...»* (д. Соржица Бешенковичского р-на).

Совершенно иная характеристика относится к финнам, литовцам и латышам, которые участвовали в карательных операциях против партизан и мирного населения. *«Латышы,*

літоўцы лятавалі. Вот прышлі ў нашу дзярэвню. Ёсё, выгналі ўсіх жыцелей, мужыкоў у канец дзярэўні загналі, пастрэлялі, спалілі» (д. Сарья Верхнедвинского р-на); *“А былі этыя, дзе нашы ваявалі. Фіны. Этыя былі ў карацельных атрадах усюдых. Этыя былі на нас злыя, яны нам мсцілі”* (д. Бабиновичи Лиозненского р-на).

«В итоге в народном сознании отразились различные образы оккупантов. Однако образ врага стал ассоциироваться, прежде всего, с немцем, приобрел отчетливые этнические черты. В значительной степени этому способствовала советская пропаганда, прямо призывавшая «убить немца» (но не итальянца, венгра или японца). Но и население осознавало, что война велась именно с «немцем» (с «фрицами»), а немецкие войска действительно играли главную роль в противоборстве с Красной Армией»¹.

Крайне негативным было отношение к русским, украинским коллаборационистам и, особенно, к белорусским полицейским из числа местного населения. *«Пака не паішли нашы памагаць ім, савецкія людзі, датуль былі немцы, як немцы. Прыедзець у дзярэўню і прыдзець у хату, і кажець: “Мама, дай яйка”. Тады капейкі свае дажа плоціць. А ўжэ як сталі «народнікі», не дай Бог! Служылі немцу, а нашых білі, грабілі»* (д. Свядица Лепельского р-на).

Образ собственно немцев мог существенно различаться в зависимости от конкретной ситуации, в которой деревенские жители сталкивались с ними. Со страхом и ненавистью относились к участникам карательных подразделений. *«Дзярэўня гарэла, скока разоў гарэла. Прыйдучь немцы, спалюць. Убівалі людзей, стралялі, падпалівалі. У баню*

¹ Кринко Е.Ф. Оккупанты и население во время Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. – М., 2005. – С. 339.

загонюць, автаматам дадуць, а потым саломы нанясуць, падпалюць, закрыюць дзверы» (д. Речные Докшицкого р-на); «Ай, прыйшлі туды на гару страляць нас, карацельныя немцы. А такія ў іх на шапках карацельныя чарапы, зубы там. І гаворыць: “Русь капут, Русь капут”. І гэтых там пастралілі, дзевочка дажа прыехала з Ленінграда, Зоя, к бабушке. А валоскі былі падстрыжаны, камсамолка. Тут як далі с аўтамата, дык і на кусочкі дзевачку» (д. Заборье Россонского р-на).

Офицеры и солдаты фронтовых частей, которые останавливались в деревнях на постой, характеризуются нейтрально либо положительно. «А ў афіцэра... радіва было, і вот ён лавіў песню. А там Левітан: “Бейце фашыстаў!” Ён круціў, круціў і дакруціў эта: “Ой гармонь, мая гармонь, залатыя планкі, парэнь девушку дамой праважаў з гулянкi”... А матка заплакала і я заплакаў. Вы панімаеце, што стала, слёзы пацяклі ў нас, мы ж не чулі гэтыя радзіва стока ужэ врэмені, і нашых песен. Так арганізм скаланула, што мама заплакала і я... Ён глянуў і гаворыць: “У мяне тры кіндэры, мне вайна не нада. Гітлера і Сталіна нада во так во вот (праводзіць рабром далоні па горлу)» (д. Жерносеково Бешенковичского р-на). В ряде случаев речь идет о проявлении настоящего гуманизма со стороны немецких солдат, за что, в условиях военного времени, они могли понести суровое наказание. «Былі немцы ўсякія. Калі б знала імя немца, я напісала б благодарнасць родстве́нікам у Германію. Немец майго бацьку вывеў із плену. Вывеў з плену і адправіў у Бабруйску за горад. У пляну быў, а ён яго вывеў і ўгаварваў узяць камарада, эта друг, і завёў пад ружжом за горад, выстрыліў уверх два раза і адправіў. Во які немец!» (д. Бочейково Бешенковичского р-на).

Подобные случаи никоим образом не обеляют кровавые преступления нацистов на белорусской земле, но дают ценный материал для понимания самой природы гуманизма, которая не

зависит ни от внешних условий, ни от знаков различия на форме, а является внутренней сущностью настоящего человека.

В представленных материалах устной истории нашла отображение и трагедия белорусских евреев во время нацистской оккупации. В советской историографии эта трагическая страница военных событий умалчивалась либо была представлена завуалировано. Но в воспоминаниях белорусских крестьян речь идет не об уничтожении некоей абстрактной группы населения, но, прежде всего, о старых знакомых, с которыми связывали давние добрососедские отношения. *«Мы дружылі. Мы ў Лапіцкіх жылі, Бабынавічах, і дружылі. Ну, не хадзілі яны нікуды хавацца. Сядзелі да паследнега, а патом іх павялі страляць. Мне ж гаварылі, што паліцыя і страляла па адным да Дабрамысель. Наіздзеваліся над імі, ай! А ў Дуброўне, расказывалі, там горы ляжаць магіл, яўрэяў, іх там многа было. Яму выкапаюць, падвядуць і страляюць, яны туды валяцца. Дык каторыя застрэляны харашо, каторы ранены быў – зямля падымалася»* (д. Бабиновичи Лиозненского р-на).

Заслуживает внимания и феномен ритуального механизма преодоления критических, кризисных ситуаций, характерный для традиционного сельского сообщества. Аказиональный ритуал, который в мирное время был направлен на прекращение засухи или эпидемии, в военных условиях полной деструкции существующего порядка, получает совершенно иную мотивацию. *«Было ткалі скацёрць. Дажы у вайну сабіраліся. З дзярэўні ўсе жэнішчыны, за ноч спралі, аснавалі і ткалі скацёрць. І выткалі, і да сонца кругом дзярэўні тры разы абняслі, заняслі на Буй, а ў Буй была цэрква. У цэркаў тую скацёрць. Каб ніхто не спаліў дзярэўню. Каб акупант не спаліў. Вот глядзіця. Парэчча згарэла, многа дзеравень згарэла, а наша дзярэўня была цэлая, ні адной хаты не спаліў»* (д. Раков Застенок Сенненского р-на). В данном случае исключительное значение имеет психо-терапевтическая функция ритуала,

который служит коллективной реакцией на «ситуацию неопределенности, порождающую страх, тревогу, неуверенность. В ритуалах снимается эмоциональное напряжение, канализируется агрессия и т.п.»¹.

В целом, опубликованные материалы представляют собой довольно обширный и ценный первоисточник не только по истории Великой Отечественной войны, периода оккупации и партизанского движения на территории Витебской области, но будут востребованы профессиональными этнологами и этнокультурологами, а также специалистами в области коллективной (социальной) психологии, конфликтологии, истории повседневности. Полевые исследования были проведены экспедициями ПГУ в 15 районах Витебщины преимущественно в 2000–2010-х гг., что позволяет говорить о достаточной репрезентативности представленных материалов, при подготовке к печати которых сохранялись аутентичная форма и содержание воспоминаний о войне, артикулированных в нарративах.

¹ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб.: Наука, 1993. – С. 32–33.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>Н. В. Большакова, В. А. Лобач</i>).....	3
Часть I. ТЕКСТЫ (из псковского фольклорно-этнографического архива).....	7
Великая Отечественная война в воспоминаниях сельских жителей Псковщины (устные рассказы).....	7
<i>Бежаницкий район</i> (№ 1).....	7
<i>Гдовский район</i> (№ 1–11).....	12
<i>Дновский район</i> (№ 1).....	23
<i>Красногородский район</i> (№№ 1–17).....	27
<i>Локнянский район</i> (№№ 1–12).....	48
<i>Опочецкий район</i> (№№ 1–3).....	59
<i>Печорский район</i> (№№ 1–3).....	66
<i>Плюсский район</i> (№№ 1–14).....	69
<i>Порховский район</i> (№№ 1–7).....	83
<i>Псковский район</i> (№№ 1–3).....	88
<i>Пушкиногорский район</i> (№ 1).....	91
<i>Пыталовский район</i> (№№ 1–2).....	93
Районы, относящиеся к псковско-белорусскому пограничью (южнопсковская историко-культурная зона).....	94
<i>Великолукский район</i> (№№ 1–2).....	94
<i>Куньинский район</i> (№№ 1–2).....	95
<i>Новосокольнический район</i> (№№ 1–3).....	97
<i>Пустошкинский район</i> (№№ 1–7).....	106
<i>Себежский район</i> (№№ 1–4).....	112
Песни Великой Отечественной войны	127
<i>Великолукский район</i> (№№ 1–3).....	127
<i>Гдовский район</i> (№№ 1–2).....	130
<i>Дедовичский район</i> (№№ 1–4).....	132
<i>Дновский район</i> (№№ 1–2).....	137
<i>Красногородский район</i> (№№ 1–3).....	139
<i>Куньинский район</i> (№ 1).....	141
<i>Островский район</i> (№ 1).....	143
<i>Палкинский район</i> (№№ 1–3).....	144
<i>Печорский район</i> (№ 1).....	147
<i>Порховский район</i> (№ 1).....	148
<i>Псковский район</i> (№№ 1–9).....	148
<i>Пустошкинский район</i> (№№ 1–5).....	159
<i>Пыталовский район</i> (№№ 1–4).....	165
<i>Себежский район</i> (№№ 1–4).....	170

Частушки Великой Отечественной войны (Г. И. Площук).....	174
Частушки (из псковского фольклорно-этнографического архива).....	181
Великая Отечественная война в диалектном дискурсе (Н.В. Большакова)	199
Часть II. ТЕКСТЫ (из архива Полоцкого университета).....	208
Великая Отечественная война в воспоминаниях сельских жителей Витебщины (материалы устной истории).....	208
<i>Бешенковичский район</i>	208
<i>Верхнедвинский район</i>	229
<i>Витебский район</i>	233
<i>Глубокский район</i>	233
<i>Докшицкий район</i>	249
<i>Лепельский район</i>	275
<i>Льозненский район</i>	277
<i>Миорский район</i>	288
<i>Полоцкий район</i>	289
<i>Поставский район</i>	293
<i>Россонский район</i>	296
<i>Сенненский район</i>	298
<i>Ушачский район</i>	300
<i>Чашникский район</i>	305
<i>Шарковщинский район</i>	307
Список собирателей.....	316
Великая Отечественная война в воспоминаниях сельских жителей Витебщины (по материалам устной истории) (В.А. Лобач).....	317
Принятые в издании сокращения.....	328

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Научно-образовательная лаборатория
региональных филологических исследований

ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Великая Отечественная война
в зеркале народной речи и фольклора**

Тексты. Исследования. Аудиоприложение

В оформлении обложки использовано фото работы народного художника М.П. Калинина из фондов Пустошкинского историко-краеведческого музея (Псковская обл.), предоставленное Центром народного творчества Псковской области.

Прототипом орнамента послужило фото оригинальной вышивки из д. Ермаково Палкинского р-на Псковской обл.

Подписано в печать 26.12.2016 г.

Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 20,75.

Гарнитура Times New Roman

Тираж 100 экз. Заказ № 1058.

Отпечатано в типографии ООО «ЛОГОС» с оригинал-макета заказчика.

180000, г. Псков, ул. Советская, д. 54;

тел/факс 8(8112) 79-37-23; тел. 8-921-218-47-47;

e-mail: izd-logos@yandex.ru